

A cinematic photograph of a man sitting on a concrete bench at night. He is wearing a dark blue jacket and dark pants, holding a white cup of coffee. A long-haired cat is sitting next to him. The background shows a wet street with blurred figures of people walking, illuminated by warm streetlights. A building with a sign 'ОБЩЕЖИТИЕ №3' is visible on the left.

Вахтёр

Дмитрий Маньков

Дмитрий Маньков

Вахтёр

<https://litres.ru/74448137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не спасает. Он просто ставит чайник. Он не учит жизни. Он просто слушает. Он не меняет людей. Он просто оказывается рядом — в нужный момент, в нужном месте.

Когда в его двор входит девушка, которая идёт в никуда, он не спрашивает, что случилось. Он просто говорит: «Замерзла? Заходи». И — ставит чайник. Потому что иногда, чтобы человек нашёл силы жить дальше, нужно всего лишь тёплое место, горячий чай и кто-то, кто не будет задавать вопросов.

Эта книга — о тихой помощи. О людях, которые ошибаются, падают, теряют себя — и о тех, кто протягивает руку. Без жалости. Без слов. Без условий. Просто потому, что может.

Дмитрий Маньков

Вахтёр

Глава 1

Сергей Егорович, или как жители общежития с уважением его называли «Егорыч», сидел за столом вахтёра и пил чай. Чай был крепкий, почти чёрный, с двумя ложками сахара — как он любил. Рядом на блюде лежали сухарики. Не магазинные, а домашние, от сестры. Она заготавливала сладкие сухарики на зиму из черствеющих корочек хлеба, отрезков батона и прочих не пригодившихся остатков хлебной продукции. Что она там с ними делает, Егорыч не знал, но предпочитал к чаю только эти домашние сухарики. Не из сентиментальности, а действительно — по вкусу. Сестра присылала их раз в две недели, вместе с письмом. Письма сестры он бережно хранил и время от времени перечитывал их. И сушки любил. Очень. Прямо перед ним на столе была разложена газета со сканвордами на развороте. Егорыч не был фанатом подобных головоломок, но считал, что каждый уважающий себя «служитель ключа и журнала» обязан иметь в арсенале этот неотъемлемый атрибут профессии.

Егорыч пил свой чай, кивал уходящим и возвращающимся в стены родного общежития жильцам, параллельно делая

записи, кто и когда брал-сдавал ключи от такой-то комнаты, и кушал домашние сухарики. Тихая и мирная жизнь просто-го вахтера пятидесяти трех лет.

Время текло медленно и размеренно, как и вся жизнь Сергея Егорыча.

На часах — половина второго ночи. Общежитие спит. Только на третьем этаже прогуливается время от времени по коридору Кирилл Михайлович, который страдал бессонницей и то и дело покидал свое скромное жилище «размять старые косточки». Егорыч знал его шаги. Тяжёлые, шаркающие. Как у медведя, которого разбудили посреди зимы. Шаги, так похожие на медленно переваливающиеся с деления на деление стрелки часов. Столь же равномерные и, словно бы, так же, подобно часам, отмеряющие его увядающую жизнь.

За окном — тихая ночь. Фонарь у входа горел хороший, яркий. Егорыч сам его покупал. За свой счет. Работа работой, а это его прямая ответственность. Видеть, кто входит и выходит еще за долго проходной — у самого подъезда. Остальные лампочки по коридорам мигали или вовсе не горели, как и сердца некоторых жильцов этого старенького общежития. Это уже не его ответственность, тут должен местный электрик разобраться. А его, Егорыча дело малое — знай, да пиши заявки на замену. И пусть они тонут в бюрократии, застревая на чьих-то заваленных такими же просьбами столах среди серых мрачных папок и грустных молений выполнить то, что они были выполнять, собственно, обязаны! Он

знал: не заменят. Пока не поперегорают совсем. А может, и тогда не заменят. В этом здании всё держалось на честном слове. Как и жизнь большей половины тех, кто в нем живет.

Егорыч допил чай. Посмотрел на кота. Кот спал на подоконнике, свернувшись клубком. Старый, лохматый, с отгрызенным ухом. Егорыч подобрал его три года назад — кот сидел у мусорки, мокрый и злой. Пытался залезть мордой в едва приоткрытую использованную банку сгущенного молока, весь исцарапанный, но не сдающийся. «Прям боец» подумал тогда Егорыч и взял его себе. Принёс домой. Накормил. Потом попытался отмыть. Последнее вышло не очень. Мало того, что коты сами по себе не особо переносят воду, так, этот на нее шипел, изгибал спину и вел себя так, словно увидел своего злейшего врага.

«Топили тебя, что ли?» - подумал Егорыч и бросил эту затею.

«Сам давай тогда... как-нибудь».

С тех пор кот жил с ним. Иногда уходил — на день, на два. Но всегда возвращался.

— Спишь, котяра? — сказал Егорыч коту. — А я вот — работаю.

Кот не ответил. Он никогда не отвечал. Но Егорыч знал: кот слушает. Просто молчит. Как и он сам. Не всегда нужно что-то говорить. Порой и вполне достаточно, что ты услышал.

Егорыч встал. Прошёлся взад-вперед по своей каморке,

разминая ноги и отправился проверять свои угодья. Минут через 15 вернулся и открыл журнал. Записал: «02:15 — обход. Всё тихо». Потом выглянул в окно. На улице — никого. Только дождь. Мелкий, противный, осенний. Такой, который не льёт, а висит в воздухе. Ночью жизнь и так замедляется, а такой дождь ее будто бы совсем ставит на паузу.

Он вернулся за стол. Сел. Взял газету. Не читал — просто смотрел на буквы. Глаза утомились за день. Не от работы — от созерцания чужих жизней. Жизней, которые люди носят на себе, подобно тяжкому грузу — словно мешки с камнями. Поднимают, взваливают на спину, царапают себя, натирают мозоли и стёсывают кожу, и все же — несут свой груз в неизвестность. Куда-то прямо. Даже язык порой не повернется сказать «вперед». Скорее тут больше подошло бы — по кругу.

Егорыч не был стар. Но выглядел он на шестьдесят пять. Может, на семьдесят. Морщины, седина, мешки под глазами. Всё как у людей. Только у людей это от возраста. А у него — от того, что он двадцать лет просидел на этом посту. Пропуская через себя чужие судьбы.

Он не жаловался. Жаловаться было некому. Да и незачем. Он сам выбрал эту жизнь. Или она его выбрала. Уже не важно. В таких вопросах никогда нельзя быть уверенным до конца.

В половине четвертого Егорыч вышел покурить. Не потому, что хотел — просто нужно было проветрить голову. Он

стоял у крыльца, под козырьком, и смотрел на дождь. Курил медленно. Дым уходил вверх, растворялся в темноте.

И тут он увидел её. Девушку.

Она шла по тротуару — мимо общежития. Медленно. Очень медленно. Как будто каждый шаг давался с огромным трудом. Куртка — тонкая, совсем не по погоде, от дождя помогала едва ли. Мокрые волосы прилипли к лицу и сейчас было совсем не понять, какого они цвета. Точно не черные. За плечами — рюкзак. Старый, потёртый. На вид - полупустой. Это был не тот, внезапно вошедший в моду, мини-шедевр от топовых дизайнеров 2010-2020х. Скорее просто подростковый школьный ранец, пылившийся невесть, сколько лет, на антресолях, и извлеченный с конкретной целью — собрать быстро все самое необходимое. Под курточкой девушка была одета в тоненькое платьице чуть выше колен — бежевое в цветочек. На ногах что-то среднее между шлепанцами и сандалиями. Женская обувь вообще всегда пестрила разнообразием моделей, фасонов и типов под любое время года. Как и под любую погоду, собственно. Но сейчас и конкретно на этой девушке все было надето максимально не соответствующе тому, что творилось на улице.

Девушка не смотрела по сторонам. Просто шла. Вперёд. В никуда. Шаг за шагом. Как будто сейчас ей было важно не куда она идет, а что она вообще куда-то идет. Было в этом что-то такое, что Егорыч затушил свой окурок и сразу двинулся девушке наперерез.

Он видел такое раньше. Много раз. Люди, которые идут «в никуда». Есть в этом движении всегда что-то особенное, пугающее. Может быть, некая обреченность? Шаг за шагом. Медленно. Глядя прямо в землю. Как будто ищут что-то. Что-то, что, скорее всего, найти уже не возможно. Он смотрел на неё и чувствовал, как внутри сжимается сердце. Не жалость. Жалость — это когда ты сверху. А тут было другое. Он узнавал. Это было что-то знакомое. Он сам так шел. Когда-то очень давно. В той — другой жизни.

— Замерзла?

Девушка шагала прямо на него. Она словно не осознавала, что кто-то вообще есть рядом. Так и шла, пока чуть не налетела на Егорыча, делая очередной ШАГ в своей ночной пустоте.

- А?

Это не было уточнением, она только сейчас сообразила, что уже не одна.

- Что?

- Я спросил: «Замерзла?» - Как можно миролюбивее повторили Егорыч.

Девушка подняла на него глаза... Медленно. Как будто это требовало усилий. Глаза — пустые. Лицо все мокрое, остатки косметики размазаны по щекам вперемешку со слезами и струями бегущей по коже воды. Сами глаза красные. От усталости? От недосыпа? От слёз. Скорее — от всего сразу. Губы дрожат. Плечи сжаты и подергиваются.

— Что? — снова как во сне повторила девушка. Голос тихий, отражающий ее внутреннее состояние — почти незаметный, едва-едва слышимый.

- Ты промокла, — повторил Егорыч терпеливо, - замерзла?

Девушка стояла и, растерянно моргая, смотрела прямо на него. Она никак не могла вырваться из той топи, в которой находилась, пока тело перемещалось на автомате, куда глаза глядят. Егорыч понял, что смысла вести какие-то разъяснения сейчас никакого не было, и просто накинул на промокшую странницу свой рабочий жилет, предварительно стянув его со своего крепкого плеча. Девушка не сопротивлялась.

- Совсем тебя жизнь-то потрепала. — Вздохнул Егорыч и повел ее к себе на пост.

Каморка, находящаяся прямо рядом с ним, в смежном помещении через тонкую самодельную стенку, за небольшой, но крепкой дверкой оснащенной серьезным засовом, у него была просторная и теплая. Егорыч любил порядок и комфорт. Аккуратно застеленная кровать, стол, простой деревянный, такие же две табуретки, книжный шкаф, примыкающий к обычному и умывальник — все, что требовалось одинокому мужчине вахтеру для спокойного проживания прямо рядом с рабочим местом. Все это девушка даже не заметила.

Егорыч завел свою ночную гостью в каморку, посадил на стул, накинул старенький плед на плечи и щелкнул чайник. А, пока тот грелся, вернулся и закрыл на замок входные двери общежития. И, для порядка, сам пост изнутри. Ночь но-

чью, а безопасность превыше всего. Вернулся, достал заварку и, покосившись на дрожащее создание, замершее рядом на стуле, кивнул сам себе и сыпанул сразу три ложки сахара в чисто вымытую симпатичную кружку. Тоже, кстати, доставшаяся ему от сестры – в подарок.

Девушка как во сне взяла из его рук сосуд с горячей жидкостью, но пить не спешила. Пришлось помочь.

- Давай-давай-давай... - поддерживал Егорыч, когда она, наконец, сделала первый рефлекторный глоток и помог ей рукой. Так пришлось повторить несколько раз. После того, как девушка всхлипнула и уже самостоятельно поднесла полупустую кружку к губам, он понял, что теперь ее можно оставить одну – приходить в себя. А ему как раз стоило еще раз совершить не особо нужный, но по штату положенный обход.

Бросив так и не сменившему свое положение и изо всех сил делающему вид, что он спит, коту: «Не притворяйся. Я знаю, что ты все видел. Следи за ней», Егорыч пошел обходить свои владения. На этот раз он не спешил.

По коридору второго этажа опять бродил Кирилл Михайлович, отсчитывая очередную сотню шагов в своей неравной борьбе с бессонницей.

- Обход? – уточнил он.

- Прогулка? – Ответил на проницательный вопрос своим Егорыч.

Это был их обычный диалог. «Пароль? Пароль!» Оба удо-

стоверились, что все идет, как надо. Проходя мимо, он пожал протянутую крепкую старческую ладонь и пошел дальше. Еженощный ритуал был выполнен. В остальном общежитие мирно спало, восстанавливая силы перед очередным тяжелым рабочим днем.

Когда Егорыч вернулся к себе, девушка уже допила чай и с любопытством изучала его скудное холостяцкое жилище. Правда, так и не решившись двинуться с места. Ее губы дрожать перестали, а волосы были убраны с лица и словно бы даже отжаты, с них не капала вода, как поначалу. Само лицо тоже стало чуть чище, но следы размазанной косметики еще явно выделялись на нем. В общем, она не только пришла в сознание, но и немного постаралась привести себя в надлежащий вид.

- Здравствуйте. – Едва слышно проронила она, убирая упавший локон дерганным жестом за ухо.

Егорыч молча прошел к столу и достал из выдвижного ящика пакет с сухариками, маленькую банку варенья и вторую кружку.

- Надо поесть. Давай я еще чаю налью.

- Спасибо, я не хочу... - едва слышно пробормотала девушка и дернулась, когда он проходил мимо.

Егорыч хмуро посмотрел на гостью и повторил.

- Надо поесть.

Он налил в обе кружки горячего ароматного напитка, от-

крыл пакет с сухариками и сел с другой стороны от стола. Девушка не спешила присоединяться.

- Надо поесть. – В третий раз сказал Егорыч и, решив подать личный пример, окунал сухарик прямо в свой чай.

Девушка долго наблюдала, как тот беззаботно макает сухари в чай и жует их с удовольствием, но ничего не говорила. Егорыч тоже не лез с расспросами. Так и сидели. Молча, по разные стороны стола.

— Зачем? – Вдруг спросила она.

- Есть надо. – Ответил, прожевав очередной сухарик старик.

Девушка покачала головой.

- Зачем помогли?

Егорыч пожал плечами и ответил:

— Чай. Печенье. Тепло. А все «зачем» - потом.

— Я не знаю вас.

— Меня зовут Сергей Егорович. Можно просто Егорыч. Я тут вахтёр. Будем знакомы.

И продолжил макать сухарики в свой чай.

Девушка, не моргая смотрела на него, а тому как будто до нее совсем не было больше дела. В какой-то момент она нерешительно потянулась к пакету с сухариками и на манер хозяина комнаты макнула его в свой уже остывший чай. Съев пару сухарей, она кашлянула и таким же едва-едва слышимым голосом произнесла.

- Лена.

- Ну, вот и познакомились! – Улыбнулся Егорыч и отправил в рот очередной сухарик. Дальше ели молча, но уже вместе.

После этого небольшого импровизированного ужина хозяин молча встал и вышел. Лена испуганно следила за его перемещениями, закутавшись в плед по самый подбородок. Когда тот так же молча вернулся, на кровать упали несколько тряпок и полотенце.

- Сухие вещи. Полотенце. Дверь закрывается изнутри. Поспи. Мне надо работать.

- Но... - неуверенно попыталась возразить Лена, но Егорыч перебил ее.

- Все «но» утром. А сейчас – спи.

И пошел к выходу.

В дверях Егорыч на миг задержался и добавил.

- Я прямо тут, за дверью. Ничего не бойся.

И вышел. Его ждала работа, а Лене нужно было побыть одной, но в полной безопасности. Его каморка для этого подходила идеально. И отдохнуть.

Щелчок засова он слышал минут через сорок и усмехнулся про себя. Сильная, смогла взять себя в руки.

Утром, после очередного обхода, Егорыч решился заглянуть в свою комнатуху. Лена мирно спала на его кровати, свернувшись калачиком и накрывшись все тем же пледом. Мокрые вещи были аккуратно сложены на табуретке.

Он взял их и отнес в прачечное помещение. Через пару часов эту одежду можно будет снова надеть сухой и чистой.

Лена выглянула из коморки ближе к одиннадцати. Видно, изрядно вымоталась.

Егорыч смерил ее взглядом и спросил.

- Туалет?

Та покраснела и слегка кивнула.

Старик снял один из ключей, висящих в стороне от остальных, и протянул ей.

- По коридору налево. Последняя дверь справа. Там есть душ и туалет. Там же есть чистое полотенце.

- А?

- Твои вещи стираются. Здесь хорошие машинка и сушка. Будут как новые через пару часов.

Она кивнула и проскользнула к выходу из помещения. А когда вернулась, провела она там не меньше 3 часов, в коморке на столе уже ждал обед, а на табурете лежала сухая одежда. Егорыч сидел на кровати, читал книгу. Он смерил ее взглядом. Сон и душ явно пошли девушке на пользу: с глаз пропала усталость, волосы Лена обернула полотенцем, а на щеках появился розовый оттенок свежести, как после парилки. Девушка смутилась.

- Сядь и поешь.

- Я не хочу... - начала было гостья, но Егорыч посмотрел на нее, усмехаясь, и та, кивнув с согласием, прошла к столу.

От него тянулись ароматы пюре, котлет и острых салатов

«по-корейски». Вся провизия была из супермаркета через дорогу. Егорыч не часто утруждал себя готовкой, а еда там была приличная. В штате магазина работала добросовестная повариха, прилавки с готовой продукцией у которой всегда были полны свежей провизией постоянно. Почти все общежитие питалось ее кухней и всем очень нравилось.

- Есть надо. – Сказал наставительно Егорыч, усаживаясь напротив и пододвигая к себе свою тарелку.

Лена больше не пыталась строить из себя воспитанную. Тем более, что в животе предательски заурчало, слоило только взять вилку в руку. Ели так же молча, и теперь уже не стесняясь. С аппетитом. А когда обед закончился, хозяин комнаты довольно крикнул и щелкнул чайником. А грязная посуда сменилась новым пакетом с сухариками и блюдцем с вареньем.

- В меня уже не влезет. – Смущенно произнесла Лена и в голосе ее больше не было того страха. Скорее, благодарность и легкое кокетство. Девушка есть девушка. Стоит ее покормить, она сразу расслабляется, становится более веселой и игривой.

- А где вы взяли...

- Сменную одежду? – Догадался Егорыч.

- Угу.

- Тут в 14й комнате живет девушка примерно твоего телосложения. Жила, если точнее. Она постоянно в разъездах. А я присматриваю за цветочками. Поливаю, подрезаю. Жал-

ко живность. Недавно она вышла замуж и переехала к мужу. Вещи из комнатки забирать не стала, сказала, что могу отдать малоимущим. Не хотела тащить с собой ничего из прошлой жизни. Ну а я... ну как я могу? Это ж чужое. Еще девичье. Не мужское это дело, в общем. Да и вдруг что пойдет не так? Авось да и понадобятся. В общем, выходит, что понадобились.

Лена оглядела пижамные штанишки и свитшот, надетые взамен своего мокрого платья.

- Спасибо.

Ее волосы высохли, и теперь было понятно, что они русые – не крашенные. Так же естественно выглядело и лицо юной гостьи. Никакого тебе ботокса, татуажа бровей и прочей дребедени современной косметической индустрии, построенной на основе бесконечных женских комплексов. Простое и красивое лицо. Только измученное. Печать долгих страданий скрепила мышца лица красавицы и придавала оттенок обреченности – такой же обреченности, какой была наполнена ее ночная прогулка по городу.

Егорыч разлил свежесваренный чай по кружкам и подвинул одну девушке.

- Теперь можно поговорить.

Лена нахмурилась и села за стол. Взяла кружку двумя руками, как будто вмиг замерзла и искала от нее тепла, чтобы согреться.

- Рассказывать обязательно?

Старик пожевал только что заброшенный в рот свежесмоченный сухарик, и пожал плечами.

- Нет. Тем более, что ничего нового ты мне и не расскажешь.

- Как это? Мы ведь только познакомились.

Егорыч почесал мочку уха и произнес.

- Ты от мужа ушла, который над тобой издевался. Верно?

Лена выронила сухарик, который только что намеревалась надкусить. Была бы в этот момент в руках кружка, она бы и ее не удержала.

- Как?!

- Я больше десяти лет здесь сижу на проходной. Наблюдать за людьми – моя работа. Знаю всех, кто живет в общешитии и неподалеку. А тебя не знаю, значит: ты не отсюда. Идешь по улице ночью в дождь, значит: тебе некуда идти. Все лицо в слезах, значит тяжелая жизненная ситуация. Какой-то непонятный рюкзак на плечах. Да еще и полупустой, значит: вещи собирала в спешке, практически бежала. Одета легко, не по погоде, значит: решение было спонтанным. Девушка. Одна. В незнакомом районе. Ночью. Одета не по погоде. Вся в слезах. Идет не куда-то, а чтобы просто не стоять на месте. Вывод – бежала от мужа. Причем, втайне от него.

Она смотрела на него. Долго. Потом улыбнулась. Впервые. Криво, с болью на лице, но все же - улыбнулась.

— Логично, — сказала она.

— Ну вот. Можешь ничего не рассказывать. Просто пей

чай. Тут можно просто пить чай.

- А потом?

- А потом надо понять, что делать с документами.

Лена даже поперхнулась.

- Да, как вы...

- Понял, что у тебя нет документов?

- Да!

- Предположил. – Пожал плечами Егорыч.

- Это... как? – Девушка смотрела на него, часто моргая. -

Как такое можно предположить?

Старик улыбнулся, и отпило немного чая.

- Ночь. Одна. Бежала от мужа, но к родителям не пошла.

Если бы направлялась к ним – шла бы увереннее. Или бежала. Вывод. Родителей либо нет, либо они в другом городе. Из города без документов не уедешь. В гостиницу не заселишься. Вывод: собиралась в спешке, документы забыла. Возвращаться боишься больше всего на свете.

Девушка сидела, опустив голову вниз и молчала.

- Ты извини старика, если что. Обычно я не такой разговорчивый. Ляпнул, небось, что обидное...

- Все правильно. – Сказала Лена, не поднимая головы.

- Тогда можно просто пить чай.

- А что потом? – так же, не поднимая головы, спросила гостя.

- А потом – суп с котом! – решил пошутить Егорыч, но коту это сильно не понравилось. И он недовольно замурчал

с подоконника.

- У вас есть кот?! – вдруг вскрикнула с восторгом Лена и бросилась к нему.

Девушки и дети как-то особенно относятся к кошкам. Они для них что-то среднее между анти стрессом и живой игрушкой. Через минуту бедный кот уже был заключен в объятия, вдруг превратившейся в беззаботного ребёнка, Лены. Судя по выражению морды, он бы с большим удовольствием вернулся на свой пост и продолжил спать, но стоически терпел телячьи нежности, понимая, что иного выбора ему теперь просто не предоставят. Ибо, надо было молчать, пока его не замечали. Сам виноват.

- Как его зовут?

- Просто Кот. Или Котяра. – Пожал плечами Егорыч. Я не планировал его оставлять на долго, а потом просто привык. Да и он – тоже.

В подтверждение его слов кот по имени Кот согласно мяукнул и недовольно посмотрел на девушку.

- Ты посидишь с ним? Мне нужно кое-куда отойти.

- А, можно? – с сомнением уточнила девушка.

- Сегодня я бы тебя все равно никуда не отпустил. Отдохни. Решать проблемы будем завтра.

Сказал Егорыч и вышел.

Когда вахтер Егорыч вернулся, Лена лежала на кровати, гладила Кота, свернувшегося рядом кольцом, и читала одну

из книг, стоявших у него на стеллаже.

- У вас только фантастика. – Сказала девушка без особого разочарования. Просто поделившись наблюдением.

- Мне нравится. – Кивнул Егорыч и протянул ей коробку. – Тут телефон, дешевый простой. Кнопочный. Там сим карта, оформленная на меня. Номер на обороте. Выкинешь, когда станет не нужно. Или вернешь – как тебе будет удобно.

- Но... как вы...

- Предположил. – Привычно пожал плечами старик и щелкнул чайник.

Егорыч провел и следующую ночь на посту. Лена уснула в его кровати с котом в обнимку. Тот, похоже, к ней привык и уже не особо сопротивлялся. Ранее, за ужином, девушка все же решила поделиться, что именно с ней произошло. Сама. Просто вдруг начала говорить. Поначалу осторожно, неуверенно. Но все больше и больше углубляясь в детали. Хозяин каморки не перебивал и слушал очень внимательно.

Началось с того, что после свадьбы Давид, так звали ее мужа, резко изменился. Практически сразу. Из галантного и обходительного жениха он превратился в требовательного и капризного супруга. Сильно усугубляло ситуацию то, что Лена никому не могла пожаловаться на него. Родителям было стыдно звонить – они всегда были против Давида. И против их свадьбы. И вообще прямо перед церемонией бракосочетания сказали: «Ты очень скоро пожалеешь об этом реше-

нии». Поэтому, когда Давид впервые наорал на нее, и швырнул на кровать, прямо на следующее утро, Лене было стыдно признаваться в таком. А с родителями он был таким, как раньше. Даже еще приятнее. Ее благоверный вел себя с друзьями и родственниками, как образцовый муж: ухаживал за всеми, порхал вокруг супруги, был идеальным и показательным. Всегда – душой компании. Но, как только закрывались двери, отношение менялось на обратное. Он быстро отобрал и поменял пароль на ее смартфоне, так что девушка сама не могла в него зайти. Так же было и со всеми устройствами. В соц сетях он выкладывал от ее имени фото цветов и приготовленных им завтраков, показывал совместные приобретения и вообще демонстрировал успешный успех. И все в это верили. Всем подругам Лены жаловался на нее, что не хочет с ним делать сэлфи, якобы придирается к количеству подаренных им роз и толщине золотых браслетов. Хотя ни цветов, ни подарков он ей не делал. Едва ли не каждый день встречался с ними, советуясь, как бы ему бедненькому угодить его капризной супруге. Звонил родителям Лены и отказывал от ее имени с ними разговаривать. При этом, сам каждый день интересовался, как у них дела, и может ли он чем-то помочь «этим святым людям, подарившим ему такую замечательную супругу». Открыто никому на жену не жалуясь, он, тем не менее, настроил всех против нее. И когда бедной девушке в редких моментах, пока он уходил мыться, забыв взять ее телефон с собой, случайно удавалось дозвониться

хоть кому-то из друзей, или родни, она слышала в ответ только: «И ты еще и жалуешься!!! Неблагодарная стерва!».

Потом начался суший кошмар. Он не бил ее в привычном понимании – физически. Но каждый день этот «прекрасный муж» насиловал девчонку морально, унижая и отыгрываясь на ней за каждую мелочь, любой пустяк. Когда Давид сделал ей предложение, она была на третьем курсе экономфака. Через полгода он как-то договорился у нее за спиной с деканатом и отправил девушку в академ «заочно». Она была даже не в курсе, что так можно. Оказалось, что имея нужные связи и сильное желание – легко. Тогда началось ее в прямом смысле заточение. Он запирал Лену дома, чтобы она не могла уйти сама. У нее больше не было своего телефона, она понятия не имела, где находятся ее документы. Как-то даже перевернула весь дом, когда Давид уезжал с друзьями на природу. С собой Лену он брать перестал совсем. Родителям и подругам говорил, что у нее началась сильнейшая депрессия из-за того, какой он нудный и как сильно ее достал. Им он говорил, что предлагал несколько раз жене разойтись, но она в слезах умоляла этого не делать, а ведь он так сильно ее любит. И ему всегда верили. А Лена буквально не могла выйти из дома. Окна в доме закрывались на какой-то хитрый механизм, конечно же открываемый ключом. Однажды Давид забыл закрыть окно, уходя на работу, и Лена решилась позвать на помощь соседа, в этот момент выносящего мусор. Но тот лишь покачал головой и пошел дальше. Вечером

Давид впервые избил ее. Оказывается, соседей он уже тоже успел настроить против жены, выставив ее за умалишенную шизофреничку. Весь двор ему сочувствовал. Как же: «Такой молодой парень, а жена досталась с тяжелой умственной хворью». И ведь не бросает. Заботится. А другой бы на его месте...» - и так везде. Он настолько увлекся этой игрой, что полностью отобрал у Лены ее жизнь, а саму девушку сделал избалованным чудовищем. Каждую ночь она плакала, сидя в ванной. Каждый день мечтала, что с мужем что-то случится, и он не придет домой. Пробовала отказываться есть – пихал силой. И привязывал, пока не переварится. Попыталась перерезать себе вены – убрал все острые предметы и зеркала (все, что можно было разбить и чем поранить себя) под замок. И Лена стала его безграничной собственностью.

Так продолжалось на протяжении двух лет.

Как девушке удалось сбежать? Совершенно случайно. Кто-то, паркуясь, поцарапал машину Давида, которую к слову, ему подарили ее родители на годовщину свадьбы. Давид выскочил, увидев это в окно, разливаясь проклятиями на весь подъезд. Он так спешил, что не подумал закрыть дверь. Лена к тому времени уже смирилась со своим рабством и даже не пыталась бежать. Она стояла у окна и смотрела, как он выскакивает из дверей подъезда. Как хватает бедного мальчишку, который и не собирался никуда уезжать, а полностью признавал вину за свою невнимательность. Давиду, как всегда было этого мало. Он хотел прилюдно уничтожить парень-

ка. И громко крикнул: «Я отсюда не уйду, пока не приедет дпс, и у тебя не отнимут права!». Угроза отнять права, конечно, была бредом чистой воды, но в то, что этот ненормальный будет измываться над бедным парнем вплоть до приезда полиции – вполне походило на Лениного мужа. И тогда она словно проснулась.

Девушка рванула в свою комнату, откопала там, в шкафу, какой-то старый (еще школьный) ранец и быстро собрала вещи, а были у нее только белье и пара летних платьев, да легкая тонюсенькая курточка, в которой она была на втором дне свадьбы. Остальное ей не полагалось иметь в этом доме, Потом сразу выбежала в подъезд. Сердце бешено колотилось, у подъезда уже сияли всюю красно-синие огни патрульного экипажа. Давид должен был уже ехать на лифте. Или вот-вот зайти в подъезд. Лена никогда так быстро не соображала. Она побежала по лестнице – супруг бы не пошел на 8й этаж пешком. Между первым и вторым она остановилась и замерла. Главное было, чтобы никто из соседей случайно не вышел на площадку, или не прошел мимо. Это были самые долгие десять минут ее жизни. От окна она стояла подальше, благо-разумно полагая, что ее можно увидеть с улицы. «А этот гад бы однозначно увидел». И ничего не видела. Просто стояла и надеялась на удачу. Когда после внезапно открывшейся двери в подъезде прогремел довольный голос Давида, Лена сжалась, как струна. Она не слушала, с кем он разговаривает и, о чем речь. Она пыталась понять, куда он пойдет. После ха-

рактерного звонка подошедшего на первый этаж лифта, она стала медленно спускаться вниз. И как только двери закрылись, что есть сил, рванула к выходу.

Она бежала так долго и так быстро, пока не подкосились ноги. Важно было «не КУДА». Важно было - «КАК МОЖНО ДАЛЬШЕ». Не через метро. Не на транспорте. Просто дворами. Сколько у нее времени, пока инспектор будет оформлять нарушение? Ведь до этого момента Давид не сможет сесть за руль и рвануть следом.

Лена сбежала.

И первым делом подалась к бывшей лучшей подруге. Но у той уже стоял знакомый черный авто у подъезда. Давид успел раньше. Лена поняла, что обратиться к кому бы то ни было, из ее раннего окружения, она не могла. И пошла, куда глаза глядят. Первые несколько часов она постоянно пряталась, избегая всех черных машин и патрулей (девушка подозревала, что ее вполне уже могут ездить и искать с мигалками). Потом, когда ушла достаточно далеко от своего района, поняла – она сбежала. Но тем самым и подписала себе смертный приговор. Документов и денег у девушки не было. Податься тоже было не куда. Единственным решением было – вернуться. Но это было хуже смерти. И она просто шла.

Вахтер Егорыч нашел ее на вторые сутки скитания. Лена к тому времени уже ничего не понимала и словно бы готовилась к скорой смерти от голода. Попрошайничать и воровать она бы не смогла - совесть не позволила. Оставалось просто

идти куда-нибудь.

Егорыч долго смотрел на Лену, молча переваривая информацию. Та уже к этому моменту несколько раз проревелась и успокоилась. И теперь требовательно ждала хоть какой-то реакции.

- Понятно. – Резюмировал старик и щелкнул чайником.

- Понятно и все?! – Едва не задохнулась от возмущения Лена.

Сторож посмотрел на неё. Спокойно. Без агрессии.

— А что ты хочешь услышать? «Бедная девочка»? «Как он мог»? «Какой ужас»?

Лена молчала.

- Нет. – Наконец совершенно спокойно произнесла она. – Меня тошнит, когда вызывают жалость к себе. Как ЭТОТ. – Она умудрилась столько ненависти и презрения вложить в это слово, что Кот аж подскочил у нее на руках и воинственно зашипел куда-то в сторону.

- Защитник какой. – Хохотнул Егорыч. – Какой смысл тебя жалеть? Ты выбралась – это главное. А тут тебя никто не тронет. Завтра будем решать остальные вопросы. Сейчас – спать. Поспи нормально в кой-то веки. А я поработаю пока.

И он вышел из каморки.

Этой ночью Лена не стала закрываться на засов.

- Егорыч! – высунулась она из двери посередине ночи.

- А?

- А ты не думал, что я могу оказаться наркоманкой и вынесла бы все твоё жилище ради очередной дозы.

Петрович усмехнулся.

— Я десять лет здесь работаю. Через меня всякое прошло. И воры, и убийцы, и просто - дураки. Ты не воровка, и тем более не наркоманка. Ты просто пережила ад на земле и смогла из него выбраться. Выкини глупости из головы и иди дальше спи.

Утром Лена ждала Егорыча с ежедневного обхода. Она была готова ко всему, даже идти в полицию, если старый вахтер ей так скажет. Он прошёл мимо чайника, потрепал по голове Кота и сказал только: «Пошли».

Шли молча, оба думали о чём-то своём. Лена рисовала в голове всевозможные картины развития событий, и в каждой из них Давид умудрялся всех обмануть и снова сделать её виноватой. А потом он опять запирал её дома, и жизнь девушки вновь начинала напоминать кошмар наяву.

Но остановились они не у полицейского отделения. И не у прокуратуры. Это был самый рядовой паспортный стол.

- Зайдешь и скажешь на проходной, что тебе по записи в четвертый кабинет. Документы не спросят.

- Но как же... - Растерялась Лена. — Ведь при восстановлении документов ему обязательно должны будут сообщить. Хотя бы, чтобы подтвердить личность...

Егорыч лишь серьезно посмотрел на девушку, и она при-

тихла.

- Не перебивай старших, юная леди.- Его логос был серьезным, но не злым. – В четвертом кабинете подойдешь к грузной женщине, сидящей за самым дальним столом. Ей скажешь, что от Егорыча. Она тебя ждет. Запомнила?

Девушка утвердительно кивнула.

- Тогда – иди.

- А почему вы не можете со мной? – робко спросила Лена. Егорыч вдруг замаялся и кашлянул. Потом собрался и сказал.

- Лучше не надо. Так быстрее будет.

И открыл перед ней тяжелые двери.

Сколько Лена провела внутри, она не знала. Но, когда вышла из дверей паспортного стола, старый вахтер все еще ее ждал на том же месте.

- Как прошло?

Девушка стояла на негнущихся ногах и держала в руках какой-то документ и ключ. Она выглядела ошарашенной.

- Все хорошо? – Уточнил Егорыч.

- Д-да... - слегка заикаясь, ответила Лена. – Мне тут дали справку о том, что я — лицо без определённого места жительства. С этой справкой отвели в другой кабинет, и я получила временное жильё в социальном центре. Сказали, что бедноватое, но для меня абсолютно безопасное. А еще мне дали номер женщины, ей нужна стажерка в помощь бухгал-

теру.

Егорыч улыбнулся и протянул ей сверток.

Девушка открыла его – там были деньги. Хиленькая пачка тысячных купюр.

- Тут немного, но на первое время хватит.

Лена стояла и плакала. Она не могла поверить, что все может решиться так легко и без разбирательств.

- Спасибо. – Прошептала она. – Спасибо, что... так. Без... НЕГО.

И она бросилась старику на шею. Как близкому, как отцу. Как благодарная дочь.

Егорыч смущенно крикнул и прошептал.

- И ни за что на свете не вздумай возвращаться!

Потом развернулся и пошел. Молча, не прощаясь. Потому, что все самое главное уже было сказано.

Через пару дней, когда часы уже собирались пробить полночь, в двери общежития раздался громкий требовательный стук. Егорыч отложил книгу про очередные приключения вольного наемника по прозвищу Вечный, и пошел выяснить, кто там так сильно задержался. Все жилыцы, вроде уже вернулись в свои квартиры. На пороге стоял высокий, смазливый солидного вида парень с бешеными глазами. Он буквально втолкнул Егорыча внутрь и поперся с наглым видом что-то искать прямо в его каморку. Старый вахтер покачал головой и пошел следом. Но не стал заходить внутрь поме-

щения, а остался прямо на проходной.

- Где она?! - вылетел с обратно злобный нахальный визитер.

- Кто? - Равнодушно и спокойно уточнил Егорыч.

- Ты знаешь, кто, старик! – Зарычал на него нарушитель спокойствия. И схватил за грудки. – Она тут была, я знаю.

- Была. – Еще более спокойно ответил вахтер.

- Она здесь?! – тот почти ревел. Вены на его лице вздулись от напряжения. Зубы были стиснуты. Казалось, еще мгновение и он разорвет бедного сторожа.

- Может и здесь. – Спокойно произнес тот. – А может далеко отсюда.

- Ты что, издеваешься?! - заорал он еще громче.

Егорыч медленно взял его руки и отцепил со своей жилетки. Казалось, ему это не стоит никаких усилий. Зато у Давида, ведь это был именно он, кисти побелели от напряжения.

- Старик, я не посмотрю, что ты в годах!!! – отскочил и начал замахиваться он.

- И что? – улыбнулся вахтер. – Изобьешь, как юную хрупкую любящую тебя девочку?

У воинственного мужа даже задергался глаз. Он был на грани. И сам себя накручивал.

- Ты думаешь не смогу? Ты думаешь, смелости не хватит?

- Думаю, не хватит. – Сплюнул старик. – Бить женщин могут только трусы. А ты как раз - трус.

Он все же замахнулся. И, скорее всего, ударил бы.

Но сторож, предугадав его срыв, в тот же момент повернулся и указал пальцем на камеру, направленную точно на то место, где они стояли. Да, место он выбрал заранее.

- Ударишь – сядешь. Камера пишет в реальном времени. А еще здесь тонкие стены и я уверен, что многие слышали, как ты пришел и орал тут, как ненормальный. Я на своем посту, при исполнении. И кнопка... - он вытащил руку, которую незаметно засунул в карман, пока говорил и продемонстрировал простенький выключатель с проводком, идущим куда-то под жилетку, - вот она. Ты тут такой не первый, у меня.

Давид сверлил глазами Егорыча и сопел, словно все время намеревался что-то сказать. Но молчал. Потом отдышался и прорычал:

- Верни ее!

Сторож пожал плечами.

- Не могу. Она не вещь.

- Она МОЯ!!! – Снова заревел брошенный муж и сторож, не моргнув и глазом, нажал на кнопку. На приборе что-то за пикало, и начал моргать красный огонек.

- Сука! – Выкрикнул Давид и пошел по направлению к выходу. – Я тебя достану.

- Меня зовут Сергей Егорович. Для друзей просто – Егорыч. Я тут все время. Заходи.

Дверь хлопнула, Егорыч еще раз нажал кнопку, и лампочка перестала мигать.

Кот с любопытством выглянул из-за двери в каморку и вопросительно мяукнул.

- А знаешь, почему он нас испугался? – Спросил Кота Егорыч. – Потому, что мы – банда!

Кот еще раз мяукнул и снова скрылся в каморке. Отсылку он не оценил.

- Вот и поговорили. – Констатировал сторож и пошел закрывать входную дверь. Ночь ночью, а порядок должен быть во всем. Наверху слышались грузные шаркающие шаги Кирилла Михайловича. Пора было совершать очередной обход.

Через месяца полтора Егорыч снова, собственно как и всегда, сидел на своем посту и заполнял очередную страницу старенького журнала, который являлся больше данью прошлому и самодисциплине, чем настоящим требованием по работе. Внезапно зазвонил городской телефон. В век смартфонов и прочих гаджетов, эта неотъемлемая часть каждого муниципального кабинета больше напоминала деталь декора, чем необходимый для работы прибор. Однако и по нему порой звонили.

Егорыч поднял трубку и услышал знакомый голос.

- Егорыч, это Лена!

- Веселый голос. Все хорошо, бегунья?

Лена звонко расхохоталась в трубку.

- Да, у меня все отлично! Начальница взяла меня на пол-

ный рабочий день и помогла сделать новые документы! Вот звоню похвастать, что я снова – гражданин!

Ее голос был живой, наполненный энергией, жадой «быть» и радостью чувствовать себя, наконец, свободной. Егорыч представил, как она сейчас крутится перед зеркалом. Красивая, жизнерадостная и в новом платье. Рядом на трюмо лежит новенький паспорт, с хрустящими страницами.

– И еще. Я подала заявление на развод. Через гос услуги.

Егорыч усмехнулся и посмотрел на вальяжно завалившегося прямо перед ним на столе кота по имени Кот. Этот словно почувствовал, кто звонит. Недовольно мяукнул.

- Это там Кот, что ли? – обрадовалась Лена. - Предай ему привет!!! Скажи, что я скучаю!

Кот фыркнул и спрыгнул со стола.

- Он тоже скучает. – Усмехнулся Егорыч. – Ты молодец.

Лена вдруг замолкла ненадолго и сказала уже другим голосом.

- Спасибо, Егорыч! Ты меня спас.

- Такую красотку - грех не вытащить из любой башни. – Пробубнил сторож. – Даже горящей...

- Я серьезно.

- Тогда благодари в первую очередь себя. Если бы ты не нашла в себе сил бежать – от меня было бы мало толку.

- Егорыч?

- Что, бегунья?

- Можно я буду иногда звонить? Не часто?

- Звони. Можешь даже в гости заглянуть.

- На сухарики?

- На чай с сухариками.

И старик повесил трубку.

Кот по имени Кот осуждающе посмотрел на него.

- Чего?

Но тот ничего не ответил. Как обычно. Просто запрыгнул на свое любимое место на подоконнике и свернулся калачиком.